

то, не то... Не об этом я хотелъ говорить... То, что я продумалъ тамъ, въ одиночествѣ, въ ожиданьи вашего суда, все это васъ вѣдь не интересуетъ...

(Пауза.)

Но я хочу рассказать вамъ эту ужасную исторію... Можеть быть, пытка, на которую обречена моя душа, послужить просвѣтленіемъ, искупленіемъ муки для другой души... Вотъ для чего я хочу рассказать это... А тамъ... Къ чему бы вы ни приговорили меня—мнѣ все равно...

(Пауза.)

Любили-ль вы? Извѣдали-ли вы эту пытку, мучительную, какъ горячечный бредъ, когда все окружающее превращается въ мракъ, въ одну безконечную грезу любви, жгучую, томительную, безумную?...

Я такъ полюбилъ ее съ первой же встрѣчи.

Эта встрѣча!.. Этотъ день казался мнѣ самымъ свѣтлымъ, самымъ счастливымъ днемъ моей жизни... И долго потомъ, когда я говорилъ ей о моей любви—я клялся днемъ нашей встрѣчи... (Съ горечью.)

Да, днемъ нашей встрѣчи!.. Мнѣ казалось—не можеть быть большей клятвы...

Мнѣ было 26 лѣтъ, ей—двадцать. Я раньше никого не любилъ... Она... она клялась... что... тоже не любила.

Я былъ сынъ городскихъ пролетаріевъ, принесшихъ въ жертву всю свою жизнь, чтобъ дать мнѣ образование. Двадцать лѣтъ они существовали «домашнимъ обѣдомъ».

Въ этой трактирной обстановкѣ, въ чадѣ горькаго масла, сорѣ, перебранки съ прислугой и столовниками, перебивались они изо дня въ день, не добдая, не досыпая, ютятся въ темномъ углу сырой квартиры, чтобъ воспитать меня...

Двадцать лѣтъ каторжной жизни въ огромномъ городѣ, съ сомнѣньемъ о завтрашнемъ днѣ... Такъ я росъ, кончилъ гимназію, поступилъ въ университетъ.

Я познакомился съ ней на последнемъ курсѣ, когда намъ вздохнулось легче...

Она жила въ томъ же домѣ, на пятомъ этажѣ, вмѣстѣ со своей матерью. Разъ вернувшись съ лекціи, я засталъ ее у насъ. Она была смущена... На глазахъ блестѣли слезы...

Ея стройная фигура въ темномъ поношенномъ платьѣ, ея тоскливый и робкій взглядъ—дышали такой безпомощностью и отчаяньемъ, что меня всего охватило чувство безконечной жалости... Мать ея была больна... Никакихъ средствъ... Бѣдность, нужда... голодъ. Она просила отпустить ей въ долгъ порцію бульона для больной... И ничего въ будущемъ, никакой надежды...

Все это рассказала мнѣ мать моя, когда она, смущенно пробормотавъ благодарность, выбѣжала...

Часъ спустя—я былъ у нихъ.

Я узналъ ихъ исторію. Когда то онѣ были очень богаты, потомъ потеряли все...

Вечеромъ я повелъ ее къ моимъ знакомымъ: для нея нашлся урокъ... Домой мы возвращались подъ руку, садами и дачами.

Я чувствовалъ, будто пережидаясь... Миръ казался инымъ, какія то новыя, невѣдомыя чувства переполняли грудь... да... Была весна, ароматы и нѣга мая... Дуна, розы, соловьи... Ха-ха... все, какъ въ романѣ...

Миръ будто дышалъ и шепталъ о любви... да... да!.. Ахъ, розы, весна, соловьи, весь миръ... все лгало!

Потомъ... потомъ все пошло—какъ обыкновенно... Свиданья, признанья, клятвы... все опьяненіе любви.

Нѣсколько мужчинъ, точно хищники, почувавшіе добычу, стали увиваться за ней, выжидая случая... Жениться? Объ этомъ никто изъ нихъ не думалъ: она была нищая...

Но такъ... увлечъ, насладиться, и послѣ выбросить на улицу, въ бездну разврата, какъ обыкновенно, на это все они были способны.

Въ числѣ ихъ былъ и Лагутинъ. Мы были одноклассники. Вмѣстѣ окончили и университетъ. Но между нами не было ничего общаго... Есть самодовольные, самоуверенные

пошляки, которые все въ жизни берутъ апломбомъ и натискомъ; ни вѣры у нихъ, ни идеаловъ, ничего... Одинъ ледяниціи душу эгоизмъ и жажда жить во всю. Таковъ былъ и Лагутинъ.

Иногда мнѣ казалось, что онъ ей нравился... Иногда, украдкой, они обмѣнивались взглядами людей, между которыми есть или была какая то тайна. О, еслибъ я зналъ тогда значеніе этихъ взглядовъ!

Началась нестерпимая пытка ревности... Тогда я рѣшилъ жениться... Ничто, ни доводъ отца, ни молбы и слезы матери, ни разрывъ, происшедшій между ними и мной, не сломили моего рѣшенія.

Мы обмѣнились...

Я былъ такъ счастливъ въ этотъ домъ. Мнѣ казалось, что силой любви и счастья, рука объ руку съ ней, я могъ побѣдить весь миръ...

Мы были очень бѣдны... почти нищѣ. У меня не было чѣмъ заплатить за вѣнчанье... Лагутинъ выручилъ... Онъ былъ ея шаферомъ (съ сарказмомъ). Да, онъ заплатилъ за наше вѣнчанье!

Но мы были богаты молодостью, идеалами, грезами весны... Мы! Да, въ рововомъ туманѣ любви мнѣ казалось, что она раздѣляетъ мои взгляды и мечты.

Прошелъ мѣсяцъ—для меня какъ одинъ день счастья. Была ли она счастлива? Любимъ ли она? Я не задумывался тогда надъ этимъ...

Я нашелъ мѣсто, скромное, съ небольшимъ жалованьемъ.

Но оно было по мнѣ: не приходилось торговать совѣстью, ломать себя, поступаться убѣжденіями.

Мы еле сводили концы съ концами.

Порой, когда мнѣ казалось, что наша бѣдность заставляетъ ее страдать, я утѣшалъ ее, говоря, что не въ богатствѣ счастье, что есть другое богатство, духовное, которое должно быть для насъ дороже всей этой житейской пустоты... Да, я говорилъ это... И она слушала. Но разъ она вдругъ сорвалась

и крикнула:—«Какъ все это глупо и санитментально!... Поймите, мнѣ скучно слушать, какъ вы разводите эти прописи на розовой водѣ... Мнѣ надобно! Я жить хочу! Я такъ жить не могу... Это не жизнь, а какое то пережевыванье черствой корки съ приправой трогательной проповѣди объ идеалахъ. Ахъ, эти идеалы!». И она вдругъ захохотала. Съ ней сдѣлалась истерика.

Я съ ужасомъ понялъ, что между нами что то порвалось... Навсегда...

Дитя города, она всегда жаждала уличнаго гула, праздничной суеты и суетою жизни, со всей ея пестрой мишурой, опьяненіемъ и чадомъ. Ея глаза загорались завистью, когда мимо катили блестящіи экипажи, по пыльнымъ часамъ она готова была простаивать у витринъ ювелира, о чѣмъ то вздыхая, видъ роскошнаго туалета разстраивалъ ее на весь день.—«За что инымъ дается это счастье, говорила она съ затаенной тоской.—И я хочу жить, какъ они, мнѣ скучно, мнѣ опротивило это мѣщанское прозябанье съ идеалами».

Я нестерпимо страдалъ.

А мать ея, будто нарочно, разжигала ее воспоминаніями о прежней роскоши. Нужда смирившая ихъ, теперь была забыта. Онѣ будто ожили, и снова проснувшись въ нихъ жажда мишуры и блеска жизни.

Каждый день противъ моей непрактичности и идеаловъ велась систематическая война. Мнѣ каждую минуту давали чувствовать, что если бы я захотѣлъ, ихъ жизнь могла бы устроиться иначе... Когда я возражалъ, взгляды, которыми онѣ обмѣнивались, леденили мнѣ душу. Такъ переглядываются, когда видятъ чужака или идиота. Меня не понимали, я былъ чуждъ имъ. Но я любилъ и... уступилъ. Имъ нужны были деньги—надо было достать. Я перемѣнилъ службу, я нашелъ еще работу... Весь день я не разгибалъ спины. Но зато, когда я приносилъ деньги, зарекомендовавшись каторжнымъ трудомъ, она... давала мнѣ свои ласки.

У насъ стала бывать... Все чуждымъ мнѣ

люди. И я чувствовалъ себя чужимъ среди нихъ, чужимъ у себя. Меня томилъ шумный разговоръ, хохотъ, пустая болтовня, карты... Но ее эта жизнь возбуждала. Она похорошѣла, расцвѣла.

Я работалъ и работалъ, а денегъ все таки не хватало. Онѣ таяли въ ея рукахъ. Иногда я начиналъ понимать, страхась познать. Мнѣ казалось, что она не любитъ меня, что я для нея батракъ, ея рабъ, котораго она закрѣпостила властью любви, заставляя работать на себя, не щадя его силъ.

Но стоило ей приласкать меня—и я гналъ эти мысли, и я съ покорностью раба бѣжалъ исполнять ея капризы. Я сталъ дѣлать долги, чувствуя, что запутываюсь, что падаю въ пропасть...

Отецъ и мать не бывали у меня. Они простили меня, но не хотѣли видать ее. Я, уградкой отъ нея, заходилъ къ нимъ. Мать съ тоской и безпокойствомъ всматривалась въ меня...взглядамъ человека, знакомаго какому то ужасную тайну... Я постарѣлъ, исхудалъ, здоровье мое пошатнулось. Но я успокаивалъ ее, клянясь, что счастливъ...

Однажды, вернувшись со службы, я нашелъ у себя Лагутина. Мы давно не видались. Онъ пополнѣлъ, сталъ еще здоровѣе. Ему повезло. Онъ женился... конечно, по расчету, взявъ большое приданое, жилъ на шикарно устроенной ногѣ, игралъ видную роль. Отъ него такъ и вѣло побѣдоносной самоуверенностью удачника и самодовольствомъ ловкаго дѣльца.

Видѣлся ли онъ съ ней раньше? Что ставило его вдругъ вспомнить обо мнѣ—я не знаю. Но продолжъ у него былъ. Онъ затѣялъ крупное предпріятіе. Ожидался миллионный барышъ. Онъ пріѣхалъ предложить мнѣ принять участіе, совѣтуя забросить свое институтское кокетничанье съ идеалами. Да, такъ онъ сказалъ, цинично улыбаясь. Ни когда не казался онъ мнѣ отвратительнѣе. Но она была взволнована и увлечена. Она убѣждала согласиться. Дѣло было дурное, темное... Участвовать въ немъ—значило обокрасть нѣсколько сотъ бѣдняковъ, но въ легальной обстановкѣ. Я отказался.

Мнѣ оставалось еще одно счастье—чувствовать себя честнымъ—у меня и это хотѣли отнять... во имя любви... Да, во имя любви!... «Кто любить—говорила она,—тотъ не останется ни предъ какой жертвой, а ты... ты любишь больше себя и свои глупыя принципы».

Потомъ—она, мать ея, Лагутинъ въ перемену продолжали уговаривать. Она дѣлала сцены, грозила, что покинетъ меня. За угрозами слѣдовало леденящее презрѣніе, обидная холодность...

Я не выдержалъ—и сдался. Я махнулъ рукой на все. Спустя двѣ недѣли, я вступилъ въ правленіе лагутинскаго общества. Я сталъ сознательнымъ участникомъ мошенническаго дѣла... Но я доказалъ ей, что люблю... Да доказалъ...

Прошелъ мѣсяцъ.

Въ этотъ день я долженъ былъ получить свою долю барыша. Лагутинъ отсчиталъ мнѣ съ холодной циничной улыбкой и банковской аккуратностью деньги и, получивъ расписку, попросилъ меня пробить непременно въ управленіи до трехъ. Онъ часто куда то исчезалъ въ это время, поручая мнѣ заведываніе дѣлами. До его возвращенія я не могъ отлучаться.

Я сидѣлъ у раскрытаго окна, подписывая квитанціи... дутыя...

Была весна... Стоялъ май, какъ и тогда...

Я вдругъ вспомнилъ, что въ этотъ день три года тому назадъ, я вертѣлъ ее... Три года!

А любилъ я ее все такъ же, какъ и прежде...

Нахлынули воспоминанья... Мнѣ стало и больно, и грустно...

Какъ надругалась грозная житейская гроза, на что низвела она нашу чистую любовь...

Мнѣ вдругъ страстно, мучительно страстно захотѣлось увидать ее въ эту минуту, броситься къ ея ногамъ и сказать:—Пошади! я измучился отъ презрѣнія къ себѣ, я не могу быть воромъ! Пожалѣй меня! Оставимъ эту жизнь! Останемся бѣдными, но съ чистой совѣстью... Эти деньги жгутъ мнѣ руки. Я

никогда не примирюсь съ этой ложью... Вспомни нашу любовь, нашу встрѣчу... Вспомни, какъ чисты мы были тогда, какая грязь окружаетъ насъ теперь... Я усталъ, я не могу такъ жить...

Я вдругъ съ рѣшимостью поднялся и ушелъ.

По дорогѣ я купилъ для нея букетъ розъ... Не на тѣ деньги! у меня оставалось еще нѣсколько рублей... не краденныхъ... Вокругъ все было такъ празднично, жизнь гудѣла такъ весело... Но въ душѣ моей былъ мракъ...

Мнѣ казалось что я хороню себя, хороню нашу любовь, молодость, вѣру, надежды, все чѣмъ жила душа моя, что я несу эти цвѣты на похороны. «Воръ, воръ!» говорилъ я себѣ съ презрѣніемъ, чувствуя, будто въ жизни моей образовалась какая то ужасная пустота ночи...

Медленно, задыхаясь отъ волненія, всходилъ я по мраморнымъ ступенямъ... Сердце стучало до боли, разстроенные нервы ныли. Рѣшимости покинула меня. Теперь я медлилъ, пытаюсь оттянуть эту минуту. Она не согласится, она посмѣется и все-таки въ душѣ будетъ презирать меня, когда я скажу:—«Вотъ, ты хотѣла—я для тебя сдѣлался воромъ; я все, все принесъ тебѣ въ жертву... Но я не могу такъ. Пожалѣй меня! Я откажусь, я брошу ему въ лицо эти грязныя деньги... Еще не поздно!»

Наша квартира была на четвертомъ этажѣ. Взошедши на площадку, я облокотился на чугунныя перила и посмотрѣлъ внизъ... Мнѣ стало жутко. И вмѣстѣ съ тѣмъ что-то будто влекло броситься туда.—Если она откажется,—мелькнуло въ головѣ,—я сдѣлаю это. Одинъ мигъ рѣшимости—и ничего... Ни этой муки раздвоенія, ни презрѣнія къ себѣ, ни этого рабства любви...

Я прошелъ въ квартиру чернымъ ходомъ. Я не хотѣлъ звонить.

Въ столовой, на небранномъ столѣ, еще были остатки завтрака. Ни въ кабинетѣ, ни въ гостиной ея не было. Я подошелъ, по ковру, къ дверямъ спальни и тихо пріотворилъ ихъ... А!

(Пауза.)

Она лежала на отоманкѣ, въ растегнутомъ на груди менѣюарѣ. У ея ногъ, держа ея руку въ своей рукѣ, стояла на колыняхъ Лагутинъ. Въ ея глазахъ была нѣга, пылающее лицо еще дышало страстью...

А я... я глядѣлъ на нихъ, съ букетомъ розъ въ рукахъ...

(Пауза.)

Стоялъ выдалъ меня. Кровь хлынула къ головѣ, глаза затуманило, горло сдавило спазмы... Меня охватила дикая мучительная жажда—убить, уничтожить, отомстить, жажда жгучей нѣги возмездія.

Блуждающимъ взглядомъ я инстинктивно искалъ оружія. Мнѣ вспомнилось вдругъ, что въ столовой на столѣ лежитъ большой ножъ для лѣйба. Я побѣжалъ туда, дрожа, сжавъ кулаки, стиснувъ до боли зубы.

Но я сейчасъ же вернулся назадъ. Мнѣ послышалось въ передней торопливныя шаги. Лагутинъ уходилъ, ускользалъ отъ меня.

Я бросился туда. Наружная дверь захлопнулась за нимъ. Я выбѣжалъ на площадку. Онъ торопливо сходилъ по ступенямъ.

— Трусъ, трусъ! крикнулъ я ему вслѣдъ, сжавъ кулаки.

Я хотѣлъ погнаться за нимъ. Но въ эту минуту предо мной стала она, загородивъ дорогу.

— Послушайте, не дѣлайте скандала, сказала она сдвинутымъ голосомъ, холодно глядя на меня. Это не поможетъ... Или я сейчасъ уйду съ нимъ...

— А, вотъ какъ! Уйдешь! крикнулъ я, задыхаясь и схвативъ ее за руку.

Ненависть душила меня.

Снизу доносился стукъ каблучковъ о мраморныя ступени.

Я впился въ нее глазами, испытывая зѣвскую ярость.

Ужас мелькнулъ на ея лицѣ.

— Оставьте... Пустите! вы сумасшедшій! пробормотала она испуганно.

— Уйдешь? повторилъ я, заскрежетавъ зубами.—Хорошо! Уходи же! Лагутинъ! она такая же грязь, какъ и ты... Мнѣ она не нужна! Восьми ее!

Она стояла у самыхъ перилъ.

(Пауза.)

Я вдругъ схватилъ ее и толкнулъ внизъ. Раздался раздирающій душу крикъ, потомъ послышалось паденіе тѣла... Снизу доносились стоны, стоны ужаса... Я узналъ голосъ Лагутина.

Настала тишина, зловѣщая тишина могилы и смерти.

Долго-ли я простоялъ тамъ—не знаю. Можеть быть мигъ... Мнѣ онъ показался вѣчностью. Все предо мной прыгало и кружилось. Я смутно чувствовалъ, что и въ груди, и вокругъ наступилъ холодъ и пустота смерти, что какая-то ужасная ложь, какой-то мучительный самообманъ конченъ, что все, что было, ничтожно и исчезло, какъ сонъ, какъ все въ жизни...

Я нагнулся, чтобы броситься внизъ... Меня удержали въ этой тюрьмѣ съ ея безконечной пыткой, которую вы говорите жизнью... Но я уйду... я скоро уйду... и вы не удержите меня...

Потомъ пришли люди и увели меня.

Сходя по лѣстницѣ, я взглянулъ туда... Все, что я любилъ, чѣмъ дышалъ и жилъ, чему молился, было теперь какой-то безформенной массой костей, мяса и тряпокъ въ душной крови.

Я заплакалъ. Меня вывели.

На улицѣ, у дверей, я увидалъ два несчастныхъ существа, давшихъ мнѣ жизнь... и принесшихъ мнѣ въ жертву всю свою жизнь... Отецъ, сѣдой, точно придавленный горемъ, стоялъ сторбнившись, сложивши съ мольбой руки и глядя съ безконечной тоской и жалостью. Этотъ взглядъ! Мнѣ не забыть его!.. А мать... мать бросилась ко мнѣ, упала на колѣни, судорожно вѣтвилась руками въ мою руку и крикнула отчаянно, озираясь съ дикой рѣшимостью:

— Я не отдамъ его... Онъ у меня одинъ... Во взглядѣ ея было безуміе...

(Пауза.)

Ахъ! Тюрьма... Каторга... Сибирь! Развѣ вашу каторгу можно сравнить съ этой каторгой? Развѣ вы можете наказывать меня больше, чѣмъ наказала жизнь!...

ЗАНАВѢСЬ.

П. Крушевскій

## „ВОЗЬМИ ЕЕ!“

Драматическій монологъ.

Сцена—уголокъ зады суда, со скамьей для подсудимыхъ. Обвиняемый, въ арестантскомъ халатѣ, сидитъ за рѣшеткой лицомъ къ публикѣ. По бокамъ—часовые. Слѣва отъ зрителя виденъ до половины судейскій столъ съ канделябрами, монологъ, подсудимый обращается къ публикѣ—какъ къ присяжнымъ. Яркое освѣщеніе.

При поднятіи занавѣса раздается слѣва отъ зрителей.

За сценой: Подсудимый, не желаете ли вы прибавить что нибудь въ свое оправданіе?

Подсудимый. (очнувшись): Въ свое оправданіе?... О, Господи! Къ чему мнѣ оправдываться?... Чтобъ умалить вину?... Чтобъ уменьшить степень наказанія?... Наказаніе!.. Развѣ вы можете придумать наказаніе больше того, на которое обречла меня жизнь?.. За что?... Ахъ, и я, и вы, и всѣ мы не знаемъ—за что! за то, что родился, жилъ, вѣрилъ, любилъ... Да!.. Впрочемъ это все не